

# ФЕСТИВАЛЬ ИСКУССТВ

# ПУТИ

ДВА городских театра, два творческих коллектива... В главном они едины. Общее для театров Лысьвы и Кизела — стремление достойно ответить на те высокие требования, которые предъявляет к советскому театральному искусству наше время. Отсюда — интерес к современной драматургии, к образам наших людей. На афишах театров безоговорочно главенствуют новые имена, новые советские названия.

Есть еще один немаловажный момент в жизни городских театров, позволяющий говорить об общности их творческой жизни: новые лица на сцене, приход молодежи, беспокойной, ищущей, не желающей мириться с малым.

Казалось бы, театры, о которых идет речь, работают в равных условиях, зрительские интересы жителей Кизела во многом совпадают со вкусами и требованиями жителей Лысьвы, возможности укомплектования коллективов тоже примерно одинаковы. И все же перед нами два разных театра, две индивидуальности, два непохожих характера, раскрывшиеся со всей отчетливостью и определенностью на проходившей недавно тринадцатой пермской театральной весне.

Театр Лысьвы тяготеет к крупным формам, к большой теме, масштабным характеристам. Отсюда и «почерк» его спектаклей — размашистый и броский. Кизеловский театр хочется назвать «камерным»: спектакли его сосредоточивают внимание зрителей в основном на проблемах семейно-бытовых, на том, что составляет внутреннюю жизнь людей, их психологию,

Определить свое художественное «лицо», искать свой путь в искусстве — такова задача, стоящая перед любым театральным коллективом, большим и малым. Вот почему, говоря о городских театрах области, менее всего хочется делать «скидки», примеряться к малым масштабам. Более всего это радует в стеклах Лысьвенского театра. Коллектив его единственный в области, отважившийся отметить 400-летие со дня рождения Шекспира постановкой «Ромео и Джульетты». Поставить эту пьесу легко, и трудно. Легко потому, что ее хорошо знают и актеры, и зрители, — вряд ли есть еще в мировом репертуаре произведение, имеющее такую большую сценическую историю.

Но именно эта широкая популярность «Ромео и Джульетты» выдвигает перед постановщиком особые трудности. Как избежать повторов, штампов, не оказаться послушным копировщиком старых образцов? Естественно, возникает и другой вопрос: вправе ли коллектив «маленького» театра прикоснуться к произведению гения, удастся ли справиться с такой ответственной задачей, как создание шекспировских образов? И вправе, и в состоянии справиться! Лысьвенский спектакль — живое тому свидетельство. Поставленный режиссером Г. Чодришвили смело, во многом ново и своеобразно, он отличается динамичностью, интенсивностью действия, неожиданностью характеристик отдельных образов. Главное же, что подкупает в лысьвенском спектакле, — мужественная интонация, уход от той псевдоли-

# К СЕРДЦУ

ричности, которая почему-то так часто сопутствует появлению на сцене героев печальной шекспировской повести. Эту мужественность, эту юную силу прежде всего несет молодая артистка Г. Промтова, отказавшаяся от слащавости во внешнем облике Джульетты, от подчеркнутой детскости внутреннего мира.

Да, и у Промтовой Джульетта чиста и трогательно юна, но в созданном артисткой образе угадываются и сила воли, и одаренность, и смелость мысли этой истинной дочери своего времени.

В Лысьвенском театре ищут и новую манеру произнесения шекспировского текста, манеру, далекую от трескучей декламационности старых спектаклей. Актеры стремятся донести прежде всего шекспировскую мысль — вот что определяет поиски театра.

Не все ровно в исполнении В. Стужевым роли Ромео: не слишком ли рано, как бы предвещая трагический исход, ложатся мрачные тени на весь его облик, на фигуру юноши, появившегося на сцене в некоем глубоком, «гамлетовском» раздумьи. Ведь смысл пьесы в том, что жизнерадостных, светлых Ромео и Джульетту все теснее, неодолимо стягивает заколдованный круг вражды, что человек, рожденный для счастья, обречен на гибель, если в мире господствует зло...

В спектакль, живой и умный, проникла, однако, и старая «театральщина». Ее ощущаем в том, как пышно, цветисто одеты друзья Ромео — Меркуцио (арт. А. Дмитриев) и Бенволио (арт. Ю. Жарин),

как пестро загримированы герои спектакля.

Обилие париков, не всегда удачно выполненных, пристрастие к яркому, назойливому гриму, к тому, чтобы как можно тщательнее спрятать от зрителя живое лицо, вообще характерны для обоих театров. В шекспировском спектакле это пристрастие сказалось с особой силой, дескать — «эпоха!» Лысьвенцам следует внимательнее вглядеться в те процессы, которые идут в театрах нашей страны, стремящихся во всем сохранить естественную, живую природу актера...

«Ромео и Джульетта» отнюдь не единственная, не случайная удача лысьвенского коллектива. Два советских спектакля — «Океан» и «Свет далекой звезды» — поставлены режиссером Г. Чодришвили в той же энергичной манере, с тем же размахистым чувством сценического пространства, в столь же выпуклых и ярких масштабах.

Главное же, в этих спектаклях мы встретились с интересными людьми — нашими современниками: с мужественным Платоновым в исполнении Л. Седого, с беспокойной творческой натурой Часовникова (арт. В. Стужев), с «обыкновенной» женой моряка Аничкой, такой спокойной и женственной, простой и внутренне значительной в исполнении молодой артистки Г. Малышевой.

«Свет далекой звезды» А. Чаковского и А. Павловского познакомил нас с творчеством артиста А. Дмитриева, сдержанного и тонкого толкования роли главного героя этой пьесы — Завьялова. До сих пор мы называли в основном молд,

ЗВЕЗДА  
Г. ПЕРМЬ

3 ИЮН 1964